

А Д В О К А Т С К А Я П А Л А Т А
города Москвы
С О В Е Т

РЕШЕНИЕ

город Москва

№ 363

20 декабря 2022 года

Совет Адвокатской палаты города Москвы в составе ..., рассмотрев посредством видео-конференц-связи в закрытом заседании с участием адвоката Б. дисциплинарное производство, возбужденное по жалобе О. без даты (вх. № ... от 13.10.2022) в отношении адвоката Б. (регистрационный номер ... в реестре адвокатов города Москвы),

установил:

В соответствии с Заключением Квалификационной комиссии от 23 ноября 2022 года адвокат Б. ненадлежаще, вопреки взаимосвязанным положениям пп. 4 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» и пп. 6 п. 1 ст. 9 Кодекса профессиональной этики адвоката, исполнил свои профессиональные обязанности перед доверителем О., что выразилось в заключении им 25 ноября 2021 года в помещении следственного отдела по Б. району СУ по ... города Москвы ГСУ СК России по городу Москве с О. «Договора-поручения» путем использования личных связей с работниками правоохранительных органов в целях последующего вступления в уголовное дело, находящееся в производстве следователя по ОВД ...-го отдела по РОВД (о преступлениях против государственной власти и в сфере экономики) СУ СК Российской Федерации по У. области подполковника юстиции С., в качестве защитника О. по соглашению в обход взаимосвязанных положений ч. 2 и ч. 4 ст. 50 УПК РФ, обязывающих следователя принимать меры по назначению защитника исключительно в порядке, определенном Советом Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации.

Заявитель О. содержится под стражей в ФКУ СИЗО-... УФСИН России по У. области, правом на участие представителя не воспользовался.

Адвокат Б. в заседании Совета сообщил, что он получил Заключение Квалификационной комиссии, ознакомился с ним, с выводами Комиссии не согласен. В полном объеме поддерживает доводы, изложенные в письменных возражениях от 15 декабря 2022 года (вх. № ... от 15.12.2022). По мнению адвоката Б., основная цель жалобы заявителя – не опорочить доказательства,

а привлечь его к дисциплинарной ответственности. Если его (адвоката Б.) привлекут к дисциплинарной ответственности, то можно сделать вывод о нарушении права на защиту обвиняемого О., и тогда в последующем протокол задержания О., протокол его допроса в качестве подозреваемого, протокол допроса О. в качестве обвиняемого могут быть признаны недопустимыми доказательствами. Именно он (адвокат Б.) настаивал на том, чтобы О. отказался от дачи показаний.

Отвечая на вопросы членов Совета, адвокат Б. дополнительно указал, что заявитель О., находясь в помещении следственного отдела по Б. району СУ по ... города Москвы ГСУ СК России по городу Москве, не ожидал, что к нему прибудет защитник по назначению. Он ждал именно защитника по соглашению. В договоре поручения имеется собственноручная запись О. о том, что все права ему разъяснены. Эту запись О. сделал по его просьбе. В ходе конфиденциального общения О. сообщил, что следователь уговаривает его дать признательные показания. В свою очередь, адвокат Б. предупредил О. о последствиях дачи признательных показаний. Впоследствии, когда О. привели на допрос к следователю, последний стал колебаться относительно необходимости дачи показаний. Адвокат Б. заявил устное ходатайство следователю о перерыве в допросе для дачи консультации. Следователь удовлетворил это ходатайство, и в ходе конфиденциальной беседы адвокат Б. вновь разъяснил О. все негативные последствия дачи признательных показаний и попросил его собственноручно в договоре поручения написать фразу, касающуюся дачи признательных показаний. После этого О. отказался от дачи показаний в качестве подозреваемого и обвиняемого. По мнению адвоката Б., приведенное выше обстоятельство противоречит выводам Квалификационной комиссии об использовании им личных связей с сотрудниками правоохранительных органов.

Кроме того, адвокат Б. со ссылкой на толковые словари русского языка обратил внимание Совета на то, что в его действиях не было навязывания О. юридической помощи в том смысле, в котором этот термин употребляется в пп. 6 п. 1 ст. 9 Кодекса профессиональной этики адвоката. С заявителем О. адвокат Б. общался только 25 ноября 2021 года. После этой даты адвокат Б. несколько раз общался с женой О., в том числе, в связи с просьбой последнего передать губернатору У. области определенную информацию. В ордере он указал формулировку «в СО СК Б. р-на г. Москвы», посчитав правильным в неординарной ситуации указать в ордере место производства процессуального действия, а не следственный орган, в производстве которого находится дело. Он является адвокатом с 2007 года, а до этого 15 лет проработал в органах внутренних дел. Заключение договора поручения лишь на один день являлось желанием О. В ходе конфиденциальной беседы последний пояснил адвокату Б. о том, что ему требуется адвокат только на один день, поскольку на следующий день прибудет другой адвокат. В памяти его телефона не сохранился номер мобильного телефона неизвестного мужчины, который позвонил ему 25 ноября 2021 года и попросил явиться в следственное подразделение для оказания юридической помощи О. Считает,

что действовал в интересах доверителя О. и старался соблюдать требования законодательства и профессиональной этики.

Рассмотрев и обсудив материалы дисциплинарного производства, выслушав адвоката Б., Совет в полном объеме соглашается с выводами Квалификационной комиссии, поскольку они основаны на правильно и полно установленных обстоятельствах.

Так, установлено, что 26 октября 2021 года следователем по ОВД ...-го отдела по РОВД (о преступлениях против государственной власти и в сфере экономики) СУ СК Российской Федерации по У. области подполковником юстиции С. в отношении В., А., С. и иных неустановленных лиц было возбуждено уголовное дело № ... по признакам преступления, предусмотренного ч. 4 ст. 159 УК РФ.

25 ноября 2021 года О. был задержан в порядке, предусмотренном ст. 91, 92 УПК РФ, по подозрению в совершении указанного преступления, о чем в период с 12.40 час. по 13.02 час. следователем по ОВД ...-го отдела по РОВД (о преступлениях против государственной власти и в сфере экономики) СУ СК Российской Федерации по У. области подполковником юстиции С. в помещении следственного отдела по Б. району СУ по ... города Москвы ГСУ СК России по городу Москве был составлен соответствующий протокол. При задержании О. его защиту осуществлял адвокат Б., который вступил в указанное уголовное дело в качестве защитника О. по соглашению, предъявив ордер от 25 ноября 2021 года № 193, согласно которому адвокату Б. поручается осуществление защиты О. «в СО СК Б. р-на г. Москвы». Из протокола задержания подозреваемого О. усматривается, что в 12.55 час. 25 ноября 2021 года он уведомил о произведенном задержании свою супругу О.

Затем, 25 ноября 2021 года в период с 13.11 час. по 13.33 час. с участием защитника – адвоката Б. О. был допрошен в качестве подозреваемого, в 13.55 час. О. было предъявлено обвинение, и в период с 14.10 час. по 14.22 час. он был допрошен в качестве обвиняемого. В ходе допроса в качестве подозреваемого О. сообщил, что проживает в городе У. совместно с женой и детьми, а также данные о своей настоящей и прежней работе. От дачи дальнейших показаний отказался, воспользовавшись правом, предоставленным подозреваемому ст. 46 УПК РФ. В ходе допроса в качестве обвиняемого О. от дачи показаний отказался, воспользовавшись правом, предоставленным обвиняемому ст. 47 УПК РФ.

26 ноября 2021 года Б. районным судом города Москвы было рассмотрено и удовлетворено ходатайство органа следствия об избрании в отношении О. меры пресечения в виде заключения под стражу. Защитник – адвокат Б. участия в указанном судебном заседании Б. районного суда города Москвы не принимал.

Рассматривая довод жалобы О. о том, что адвокат Б. 25 ноября 2021 года прибыл в помещение следственного отдела по Б. району СУ по ... города Москвы ГСУ СК России по городу Москве по личной просьбе сотрудника следственного органа, Совет считает, что он нашёл подтверждение.

Квалификационной комиссией правильно установлено, что до задержания по подозрению в совершении преступления О. являлся заместителем генерального директора АО «...» и проживал в городе У. совместно с супругой и двумя дочерьми 2009 и 2014 года рождения, где и был зарегистрирован по месту жительства. Из протокола допроса подозреваемого О. усматривается, что на момент своего задержания О. проживал в городе Москве в гостинице «Х.».

Адвокат Б. объясняет свое появление в указанном следственном отделе просьбой незнакомого мужчины, поступившей ему путём телефонного звонка в мессенджере WhatsApp. При этом сообщить какие-либо данные о якобы звонившем ему мужчине, включая номер его телефона, адвокат Б. не смог.

Совет отмечает, что адвокат Б., который ранее не был знаком ни с О., ни с кем-либо из его родственников или близких, 25 ноября 2021 года прибыл в помещение следственного отдела по Б. району СУ по ... ГСУ СК России по городу Москве до начала составления протокола задержания, то есть ранее, чем О. в ходе телефонного разговора, состоявшегося в указанную дату в 12.55 час., уведомил супругу о своём задержании.

В качестве обоснования наличия у него предусмотренных уголовно-процессуальным законом оснований для вступления в уголовное дело в качестве защитника О. адвокат Б. представил в материалы дисциплинарного производства собственноручное заявление на имя следователя от 25 ноября 2021 года, выполненное от имени О., в котором содержится просьба о том, чтобы следственные действия 25 и 26 ноября 2021 года производились с участием защитника – адвоката Б. Кроме того, адвокатом Б. представлен заключенный между ним и О. «Договор-поручение» от 25 ноября 2022 года, в соответствии с которым адвокат Б. принял на себя «защиту по уголовному делу при проведении след. действий 25.11.21». Наименование следственного органа, в производстве которого находится уголовное дело и в котором должна осуществляться защита, в «Договоре-поручении» не указано. Сумма «назначенного гонорара» в соответствии с п. 3 Договора составила 25 000 рублей.

Оценивая эти доводы адвоката Б., Совет отмечает, что подписание соглашения об оказании юридической помощи адвокатом и доверителем является лишь актом формализации их отношений, которые по своему характеру являются фидуциарными (доверительными) и формируются не фактом подписания такого соглашения, а до этого, под воздействием определенных, хотя уникальных в каждом случае, фактических обстоятельств, создающих необходимые условия для формирования доверительных отношений. Только в контексте таких отношений заключение соглашения об оказании юридической помощи может быть признано результатом волеизъявления лица, обратившегося за оказанием юридической помощи, которое в уголовном судопроизводстве является одной из форм реализации права подозреваемого и обвиняемого на свободный выбор защитника.

Адвокатом Б. не представлено убедительных объяснений об обстоятельствах, подтверждающих формирование доверительных отношений между ним и заявителем О., которые могли бы создать условия для добровольного заключения последним соглашения об оказании юридической помощи именно с адвокатом Б. При этом, адвокат Б. в своих объяснениях не только не отрицает того обстоятельства, что до 25 ноября 2021 года не был знаком с О., и последний не приглашал его для осуществления своей защиты по уголовному делу, но и не сообщает, кто именно и по какой причине обратился к нему с просьбой явиться в следственный отдел для осуществления защиты О.

Совет также отмечает, что в нарушение Разъяснения № 7 Совета Адвокатской палаты города Москвы по вопросам профессиональной этики адвоката «Об объеме оказания адвокатом-защитником юридической помощи в стадии предварительного расследования» (утверждено Советом 29 сентября 2014 года, опубликовано: *Вестник Адвокатской палаты города Москвы. 2014. Выпуск № 4 (125). С. 7-8. Сборник нормативных и информационных материалов за 2002-2014 годы: Специальный выпуск Вестника Адвокатской палаты города Москвы. М., 2014. С. 128-129*) «Договор-поручение» от 25 ноября 2021 года предусматривал фрагментарное участие адвоката Б. в осуществлении защиты О. лишь при проведении процессуальных действий 25 ноября 2021 года. Заключение такого Договора прямо противоречило интересам доверителя и решению органа адвокатского самоуправления, принятого в пределах его компетенции и обязательного для всех адвокатов города Москвы.

Помимо этого, Совет отмечает следующее. Несмотря на то, что О., проживающий в другом регионе Российской Федерации, подозревался в совершении тяжкого преступления в регионе своего проживания и был фактически задержан в городе Москве, следователь СУ СК Российской Федерации по У. области подполковник юстиции С. не размещал в Автоматизированной информационной системе Адвокатской палаты города Москвы требование об обеспечении участия защитника в уголовном судопроизводстве для осуществления защиты О. в порядке, установленном ст. 50 и 51 УПК РФ. Это обстоятельство подтверждается служебной запиской руководителя IT отдела Адвокатской палаты города Москвы Б. от 22 ноября 2022 года.

С учетом изложенных обстоятельств Совет приходит к выводу о том, что о находящемся в производстве следователя по ОВД ...-го отдела по РОВД (о преступлениях против государственной власти и в сфере экономики) СУ СК Российской Федерации по У. области подполковника юстиции С. уголовном деле, а также о фактическом задержании О. и о том месте, в которое тот доставлен для составления протокола задержания и производства иных процессуальных действий, адвокат Б. мог узнать только от сотрудников правоохранительных органов, и именно следователь С. опосредованно предложил адвокату Б. явиться в следственный орган для осуществления защиты О.

Совет также приходит к выводу о том, что оформление адвокатом Б. «Договора-поручения» от 25 ноября 2021 года, предусматривающего осуществление защиты О. в течение одного дня в неназванном следственном органе, являлось лишь средством обеспечения (легитимации) его вступления в уголовное дело и фрагментарного (в течение одного дня) участия в нём в качестве защитника О. по устной договоренности со следователем, в производстве которого находилось данное уголовное дело.

На это же указывает и последующее поведение адвоката Б., который не предпринимал никаких действий, направленных как на продолжение оказания юридической помощи, так и на получение (взыскание) с О. вознаграждения по заключенному Договору-поручению.

Вместе с тем, согласно пп. 6 п. 1 ст. 9 Кодекса профессиональной этики адвоката «адвокат не вправе навязывать свою помощь лицам и привлекать их в качестве доверителей путем использования личных связей с работниками судебных и правоохранительных органов, обещанием благополучного разрешения дела и другими недостойными способами». Действия адвоката Б. по заключению с О. при установленных обстоятельствах «Договора-поручения» от 25 ноября 2021 года Совет признаёт противоречащими этим требованиям, поскольку О. был привлечён адвокатом Б. в качестве доверителя путем использования личных связей с работниками правоохранительных органов.

Вступление адвоката Б. в уголовное дело в качестве защитника О. на основании «Договора-поручения» от 25 ноября 2021 года позволило следователю С. провести допрос О. в качестве подозреваемого по уголовному делу, предъявить ему обвинение и допросить в качестве обвиняемого, не создавая заявки в Автоматизированной информационной системе Адвокатской платы города Москвы. По мнению Совета, в этом и заключалось практическое значение вступления адвоката Б. в уголовное дело, причём только на один день - 25 ноября 2021 года.

О формальном участии адвоката Б. в указанном уголовном деле свидетельствует и то обстоятельство, что он даже не счел нужным выяснить, в производстве какого следственного органа находится уголовное дело в отношении О., и выписал ордер на осуществление защиты последнего «в СО СК Б. р-на г. Москвы», что не соответствует действительности, поскольку дело находилось в производстве СУ СК Российской Федерации по У. области.

Совокупность приведенных выше обстоятельств: непредставление адвокатом Б. сведений об источнике его информированности о потребности фактически задержанного О. в получении юридической помощи до официального уведомления близкого лица о самом факте задержания; подписание с задержанным О. «Договора-поручения» от 25 ноября 2021 года вопреки запрету фрагментарного осуществления защиты и фактически фрагментарное участие в уголовном деле в качестве защитника - лишь в нескольких процессуальных действиях в течение одного дня; явно неверное оформление адвокатом Б. ордера; неоплата вознаграждения адвоката Б. и

отсутствие с его стороны мер по её получению; бездействие следователя по обеспечению реализации права подозреваемого О. на защиту путем назначения ему в установленном порядке защитника в связи с отсутствием у него защитника по соглашению, - свидетельствует о согласованности действий адвоката Б. с работниками правоохранительных органов.

Материалы дисциплинарного производства не содержат каких-либо сведений, подтверждающих легальность получения адвокатом Б. информации о самом факте задержания О. и месте оформления процедуры задержания уполномоченным должностным лицом. При этом близкие О. лица, которые могли предпринять действия, направленные на обеспечение юридической защиты О., узнали о самом факте задержания только через 15 минут после начала оформления процедуры задержания с участием адвоката Б. Сведения о том, что задержанный О. до начала этой процедуры кому-либо сообщил о своём задержании, также отсутствуют, а сам О. категорически отрицает это.

При таких обстоятельствах Совет приходит к единственно возможному выводу о том, что адвокат Б. мог быть и был проинформирован о факте задержания О. и приглашён явиться в конкретное подразделение Следственного комитета РФ работниками правоохранительных органов, используя свои личные связи с ними.

Материалы дисциплинарного производства не содержат никаких сведений о том, что кто-либо иной, не являющийся сотрудником правоохранительных органов, стал обладателем информации о задержании О. в гостинице Х. и, самое важное, указал на время и место оформления задержания – помещение следственного отдела по Б. району СУ по ... ГСУ СК России по городу Москве. Такой информацией обладали только работники правоохранительных органов и сам задержанный, не имевший возможности сообщить об этом кому-либо до составления протокола задержания. Голословная ссылка адвоката Б. на звонок неизвестного лица не может быть положена в основу вывода органов адвокатского самоуправления.

Последующим фрагментарным участием в процессуальных действиях 25 ноября 2021 года адвокат Б. обеспечил содействие работникам правоохранительных органов в выполнении неотложных мероприятий с О., минуя процедуру назначения ему адвоката-защитника в установленном порядке - путем размещения заявки в Автоматизированной информационной системе Адвокатской палаты города Москвы.

Совокупность изложенных выше обстоятельств, достоверно установленных в результате дисциплинарного разбирательства, приводит Совет к выводу о том, что презумпция добросовестности адвоката Б. опровергнута, а его умышленная вина в совершении дисциплинарного нарушения установлена.

Довод адвоката Б. о том, что подача заявителем О. жалобы в Адвокатскую палату города Москвы является способом «опорочить доказательства», Советом отклоняется как несостоятельный, поскольку О. 25 ноября 2021 года отказался от дачи показаний. В связи с этим в протоколах

его допроса, составленных в этот день, отсутствует какая-либо доказательственная информация, а значит – отсутствует и необходимость с точки зрения интересов защиты в признании этих протоколов допроса недопустимыми доказательствами.

Совет также отклоняет довод адвоката Б. о необоснованном употреблении Квалификационной комиссией термина «навязывание юридической помощи» применительно к его действиям, поскольку в Заключении Квалификационной комиссии отсутствует вывод о навязывании им своей юридической помощи О.

Избирая, в соответствии с требованиями п. 4 ст. 18 Кодекса профессиональной этики адвоката, меру дисциплинарной ответственности адвоката Б. за совершенное им дисциплинарное нарушение, Совет учитывает его умышленный и злостный характер, сопряжённый с явным и грубым игнорированием адвокатом обязательных профессиональных правил вступления в уголовное дело и участия в нём в качестве защитника. Игнорирование императивного нормативного запрета вступления в уголовное дело путем заключения фрагментарного соглашения, с использованием личных связей с работниками правоохранительных органов, в обход взаимосвязанных положений ч. 2 и ч. 4 ст. 50 УПК РФ, обязывающих следователя принимать меры по назначению защитника исключительно в порядке, определенном Советом Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации, а адвоката – оказывать юридическую помощь в качестве защитников по назначению только в таком порядке, свидетельствуют о преследовании адвокатом Б. в профессиональной деятельности интересов и целей, несовместимых со статусом адвоката.

Обстоятельства совершения адвокатом Б. дисциплинарного нарушения, равно как и его позиция в ходе дисциплинарного разбирательства, убедительно показывают, что он не обладает необходимыми для осуществления адвокатской деятельности профессиональными и этическими качествами и не желает их приобретать.

При таких обстоятельствах Совет признаёт профессиональное поведение адвоката Б. несовместимым с нахождением в составе адвокатского сообщества и приходит к выводу о применении к нему меры дисциплинарной ответственности в виде прекращения статуса адвоката.

Совет не усматривает оснований для применения к адвокату Б. более мягкой меры дисциплинарной ответственности из числа предусмотренных п. 6 ст. 18 Кодекса профессиональной этики адвоката, как в силу требования справедливости дисциплинарного разбирательства, предусмотренного п. 3 ст. 19 Кодекса профессиональной этики адвоката, так и в силу того, что оставление Б. в составе адвокатского сообщества могло бы дать основание полагать, что совершённое им грубое нарушение профессиональных правил совместимо со статусом адвоката.

В соответствии с п. 2 ст. 17 ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» статус адвоката может быть прекращен по решению совета адвокатской палаты субъекта Российской Федерации, в

региональный реестр которого внесены сведения об адвокате, на основании заключения квалификационной комиссии при: неисполнении или ненадлежащем исполнении адвокатом своих профессиональных обязанностей перед доверителем; нарушении адвокатом норм кодекса профессиональной этики адвоката; неисполнении или ненадлежащем исполнении адвокатом решений органов адвокатской палаты, принятых в пределах их компетенции.

Определяя в соответствии с п. 7 статьи 18 Кодекса профессиональной этики адвоката срок, по истечении которого Б. может быть допущен к сдаче квалификационного экзамена, Совет, с учётом тяжести нарушения и всей совокупности установленных обстоятельств, включая данные о личности и профессиональной деятельности адвоката Б., считает необходимым установить этот срок в 3 (три) года.

На основании изложенного, руководствуясь подп. 9 п. 3 ст. 31 ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п.п. 1, 4, 7, подп. 3 п. 6 ст. 18, подп. 1 п. 1 и п. 1.1 ст. 25 Кодекса профессиональной этики адвоката, Совет Адвокатской палаты города Москвы

р е ш и л:

Применить к адвокату Б. (регистрационный номер ... в реестре адвокатов города Москвы), меру дисциплинарной ответственности в виде прекращения статуса адвоката за ненадлежащее, вопреки взаимосвязанным положениям пп. 4 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» и пп. 6 п. 1 ст. 9 Кодекса профессиональной этики адвоката, исполнение профессиональных обязанностей перед доверителем О., что выразилось в заключении им 25 ноября 2021 года в помещении следственного отдела по Б. району СУ по ... города Москвы ГСУ СК России по городу Москве с О. «Договора-поручения» путем использования личных связей с работниками правоохранительных органов в целях последующего вступления в уголовное дело, находящееся в производстве следователя по ОВД ...-го отдела по РОВД (о преступлениях против государственной власти и в сфере экономики) СУ СК Российской Федерации по У. области подполковника юстиции С., в качестве защитника О. по соглашению в обход взаимосвязанных положений ч. 2 и ч. 4 ст. 50 УПК РФ, обязывающих следователя принимать меры по назначению защитника исключительно в порядке, определенном Советом Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации.

Установить срок, по истечении которого Б. может быть допущен к сдаче квалификационного экзамена на приобретение статуса адвоката, в 3 (три) года.

**Президент
Адвокатской палаты города Москвы**

И.А. Поляков